

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анастасия Шерр
ЖЕСТОКИЙ 3
ИСКУПЛЕНИЕ

Жестокие игры

Анастасия Шерр

Жестокий 3. Искупление

«Автор»

2022

Шерр А.

Жестокий 3. Искупление / А. Шерр — «Автор»,
2022 — (Жестокие игры)

Я думала, что сбежала от прошлого. Думала, что оно никогда меня не настигнет. Что те, от кого я бежала, больше никогда не появятся на моём пути. Я даже осмелилась начать всё заново с хорошим, правильным мужчиной. Но прошлое ворвалось в мой уютный мирок очередной жестокой игрой и спалило его дотла... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анастасия Шерр

Жестокий 3. Искушение

Пролог

Раз... Два... Три...

Время будто замедляется. Я слышу, как щёлкает сзади предохранитель и закрываю глаза. Страх липким потом стекает по телу, пропитывая собой футболку и нижнее бельё. Вполне возможно, я описалась, но пока не чувствую этого. Я ничего не чувствую, кроме ужаса, вонзившегося в горло.

Марк рядом, на коленях. Он тоже боится, но не подаёт виду. Держится. А я нет. Я плачу и дрожу всем телом, потому что глупо это, играть в смелую и неприступную. По-идиотски это, когда тебе в затылок упёрли дуло.

– Отпусти. Отпусти его, – прошу тихо севшим голосом. – У нас ничего не было.

Проходит несколько долгих минут прежде, чем снова слышится щелчок, и я дёргаюсь всем телом. Нет... Это не выстрел. Мы всё ещё на коленях. Всё относительно хорошо.

– Встала и пошла в мою машину. Второй раз повторять не буду.

Я быстро киваю, вскакиваю на ноги, которых не ощущаю. Вообще конечности онемели, будто не мои. Но пересиливаю себя и тороплюсь к машине и, вскрикнув, падаю на землю, потому что меня оглушает выстрелом. Таким громким, будто рядом бомбу взорвали.

Обхватив голову руками, кричу, но собственный голос не слышен. Лишь противный, пронзительный писк в ушах, от которого плаваются мозги. Мне не нужно оборачиваться назад, чтобы понимать, что там случилось.

Годом ранее

– Ну, привет, племянник, – сестра вздохнула, поджала губы. Я было подумала, что все-ликая сейчас разревётся, но она сдержалась. Только глаза слегка заблестели. – Блин, пиздец какой-то. Смотрю на него, а перед глазами Имран. Сволочь, и тут отметился. Ну, как так, а?

– Оставь моего сына в покое. И вообще он не похож на них. Смотри, глаза мои, – забрала я у неё малыша, а тот недовольно фыркнул и, да, напомнил мне подонка, которого я убила собственными руками.

– Да что ты? А нос Вайнаха тебя не смущает? А подбородок?

– Маш... – я устало вздохнула, откинулась на подушку, устраивая мелкого так, чтобы он мог спокойно поесть. – Хватит. Он прежде всего мой.

– Ладно, – тут же смягчилась сестра. – Извини, что напомнила. Просто... Блин, тяжело до сих пор. Я же во всём виновата. Я, понимаешь? А эти два идиота... Они тоже мудаки, конечно, но если бы я со своей мстью всё не начала...

– Хватит, – оборвала я её негромко, чтобы не потревожить малыша. – У меня теперь сына есть. А этих... Забудь. Я же забыла.

Я вру, конечно. Ни хрена не забыла. Сложно вышвырнуть из головы двух ублюдков, исковеркавших тебе жизнь, одного из которых ты убила собственными руками, а от второго родила после того, как он тебя изнасиловал. Сложно забыть о том, что они с тобой сотворили. Столько насилия, унижений, столько боли. Мне никогда не забыть. А теперь ещё и маленький, хнычущий свёрток в моих руках... Он навсегда останется свидетельством совершённых против меня преступлений. Но я не смогла отказаться от него. Не смогла убить растущий под сердцем

кусочек счастья. Он не виноват в том, что сделали со мной его биологические родственники. И он один будет любить меня.

И Машка ошибалась. Совсем он не похож на Имрана. А вот на Булата очень даже... Но и это я переживу. Я воспитаю своего малыша другим. В нём не будет жестокости и желания ломать всё вокруг. Он никогда не станет добиваться девушку силой. Он никому никогда не навредит. Я искренне верю в это. Потому что я его мать.

– Из России ничего не слышно? – вот уже много месяцев я ждала известий о том, что меня объявили в розыск или отец Имрана пообещал своим головорезам награду за мою бездыханную тушку. Но... Ничего такого. Будто меня там никогда не существовало. Будто всего того, что случилось в прошлом году, не было. Вообще. И осталось оно только в моей памяти.

Спустя пару месяцев абсолютной тишины и полного неведения я всё же полезла в интернет и нашла статью об убийстве бизнесмена Басаева у него дома. Все подозреваемые задержаны и ведётся следствие, а самого убиенного не особо и жалели, ибо он, по слухам, был тем ещё «криминальным лицом». Лицом, которое я видела в своих кошмарах. Лицом, которое являлось ко мне каждую ночь и продолжало меня мучить и истязать.

Я ненавидела Басаева не за плен, не за издевательства и насилие. Не за то, что подложил меня под своего чокнутого братца. Даже не за побои. Я ненавидела его за то, что запятнал своей кровью мои руки. Испачкал их и теперь я не могла смыть с себя эти багровые пятна. Они въелись в кожу, разъедая её, будто кислотой. Так мерзко, так гадко... Я чувствовала себя грязной, вынашивая ребёнка и готовясь стать матерью.

А когда малыш появился на свет, посмотрела в его тёмные, карие глаза, и поняла, что, если придётся, убью ещё не раз ради него. Кого угодно. Жестоко и беспощадно.

Глава 1

С Марком Уилсоном мы познакомились спустя три месяца после рождения Даниила. Сына я назвала, конечно, Дэниэлом, дабы не нарушить нашу конспирацию, но втихаря называла его по-русски Даней. Не то чтобы я сильно скучала по родине... Нет. Я не планировала туда возвращаться. Благо, в Америке у меня всё шло более-менее гладко, да и Машка здорово помогала. Она до сих пор чувствовала свою вину и всячески пыталась её загладить. Но мне не хватало чего-то... Чего-то родного. Я любила русские имена, селёдку с огурчиками и родной язык. Но из всего этого могла позволить себе только селёдку, за которой ездила через два квартала в русский супермаркет. Мне было необходимо напоминать себе, кто я и откуда. Зачем? Понятия не имею. Наверное, чтобы когда подрастёт мой сын и спросит, откуда мы родом, я могла хоть что-то ему ответить.

Марк знал о том, что я русская. Это было трудно не заметить, особенно предавал акцент. Но я упорно училась, искореняла в себе всё, что могло бы помочь врагам найти нас. На случай, если старший Шамаев решит всё же отыскать меня и уничтожить. Я всё ещё ждала и спала со стволом под подушкой, уверенная в том, что смогу выстрелить в любого, кто ворвётся в мой дом. Домом мою небольшую квартирку было трудно назвать. Скорее это была раковина, в которой я, как моллюск, пряталась от всего мира. И прятала в ней свою жемчужину, своего малыша.

Машка не раз таскала меня в большие дома, где даже стены пропитаны той самой пресловутой «американской мечтой», один из которых и прикупила себе. Любит она жить красиво. Но я не осмелилась сделать такой шаг. Мне нравилась моя квартирка, небольшая, довольно уютная и тихая. А ещё, там, как мне казалось, будет легче защитить себя в случае чего. Все свои действия, все поступки, даже самую мелочь я продумывала именно с этой позиции – защитить себя. Себя и Даню.

Первое время я не отпускала от себя сестру. Мы колесили по миру, запутывая следы, как ошалелые, будто за нами гнались целых три месяца. Два раза меняли документы и имена, я даже причёску изменила, хотя это и казалось глупой киношной фишкой. Потом всё же осели в Штатах и начали двигаться вперёд. Но я каждую ночь вскакивала от кошмаров и жила ими даже днём. Я сходила с ума, и Машка, глядя на это, не решалась оставить меня.

Простила ли я её? Сложно ответить на этот вопрос однозначно. С одной стороны, я принимала её и силилась всё забыть. А с другой... Сложно всё это. Пиздец как сложно. Но теперь мы были в одной упряжке, с одним камнем на шее. Она помогла мне снова встать на ноги и перестать задыхаться. Моя сестра была рядом, когда мне это понадобилось по-настоящему. И я ценила это.

Да, я оставила в прошлом всё то, что она со мной сделала. Как оставила в прошлом и Булата, и Имрана. Я смогла переступить через всё, даже через убийство, которое совершила собственными руками.

Я смогла жить дальше. Она помогла мне выбраться из той непроглядной тьмы. Но нужно было двигаться дальше самой. И в одно прекрасное утро я заявила Машке, что хочу жить отдельно. Она, как ни странно, не стала со мной спорить. Помогла купить квартиру и оставила меня в покое. Теперь мы находились в одном городе, но не вместе. Так было нужно. Мне прежде всего.

Потом я стала мамой. Я даже не сразу осознала всю эту ответственность, всю тяжесть, что, казалось, должна бы свалиться на мои плечи. Я её не ощущала. Она была приятной, в отличие от того камня, что тянул меня вниз и душил, душил, душил...

Стоило мне впервые взять на руки Даню, и вся боль, все страдания ушли на задний план. Теперь имел значение только он, мой маленький комочек счастья. Да, он был похож на своего

биологического отца и одновременно на дядю. Но я не видела в нём Шамаевых. Не видела в нём Басаева. У моего сынули были приятные, кавказские черты, но того зверского отражения, что видела в глазах братьев – у моего мальчика не было. Он чист и невинен, у него будет другое будущее.

Ещё до рождения Дани я начала вливаться в течение. Поначалу было трудно выходить из дома и общаться с людьми, но день за днём я работала над собой, заставляла ту испуганную, забившуюся в уголок от ужаса девочку, что жила у меня внутри, замолчать и шла вперёд. И со временем стало легче. Хотя насилия в любых его проявлениях я всё ещё боялась и вряд ли когда-нибудь стану к нему равнодушной. Я опасалась агрессивных людей и хоть в Штатах мне такие попадались крайне редко, а нет-нет, да находились. Я переходила на другую сторону дороги даже если мне навстречу шёл чересчур эмоционально жестикулирующий мужчина. Не выносила громких звуков и выключала телевизор, если там шёл какой-нибудь боевик. Я шугалась собственной тени, пока не поняла, что всё это ничто по сравнению с тем, что мне придётся пережить, защищая от всемирного дерьма моего ребёнка.

Марк помог мне начать новый этап, сделать ещё один шаг к исцелению. И шаг этот был зверски тяжёлым, хоть и большим. Переступив свой страх нахождения мужчины рядом, я вдруг поняла, что смогу всё. Всё, какую бы цель перед собой не поставила. Этот мужчина вселил в меня уверенность и вдохнул новые силы.

Мы познакомились в обычном супермаркете, где я не могла дотянуться до полки с памперсами. Он, как галантный джентльмен, достал мне пару пачек и даже помог довести тележку с продуктами до кассы. Казалось бы, какой интерес у молодого, симпатичного мужчины может вызвать женщина с одутловатым после родов лицом, покупающая памперсы? А я заинтересовала. Заметила это сразу же. И, несмотря на дикий страх перед мужчиной, всё же была польщена. Что не говорите, а это приятно, чувствовать себя привлекательной, способной кого-то зацепить. Я уже и забыла, как оно. Чувствовать себя женщиной, а не куском мяса, которое только насилуют и пинают.

Узнав, что я не замужем, Марк попросил у меня номер телефона. Телефона, на который звонила до него лишь одна Машка. И я дала. А через неделю мы встретились в кафе, выпить по чашке кофе. Не знаю, на что я надеялась, но Марк мне был нужен. Не в плане секса «для здоровья», нет. Хотя и этот вариант я не отметала. Я всё ещё молодая женщина и когда-нибудь мне захочется мужского тепла. Я на это очень надеялась. Марк был мне нужен, потому что он поднимал мою самооценку и помогал двигаться дальше. У меня не было к нему сексуального влечения, увы. Но я верила, что эта фригидность временная и вскоре я снова смогу жить нормальной жизнью. И не ошиблась.

Глава 2

– Мы могли бы сходить на выставку, – предложил как-то Марк, рассматривая меня через запотевший бокал с вином. Я оторвала взгляд от своей тарелки, улыбнулась ему дежурной улыбкой. Американцы вообще часто улыбаются. По поводу и без. И я научилась, пытаюсь ассимилироваться. Со временем поняла, к чему эти неискренние улыбки. Они помогают в общении. Даже если ты преподносишь своему собеседнику не очень приятную новость, с улыбкой она будет выглядеть не так хреново.

И Марк, кажется, понял, почему я улыбнулась.

– Ты снова откажешься, – ответил сам себе, кивнул.

– Прости, но я... Я пока не готова выходить в люди. То есть, на данный момент походов в кафе, рестораны и кино мне вполне хватает. Да и Дэниэла туда не возмёшь, а оставлять его с сестрой мне не хотелось бы. Она пытается наладить свою личную жизнь, не хочу ей мешать. А нянькам, ты знаешь, я не доверяю.

Марк поджал губы, снова кивнул. Иногда мне хотелось вlepить ему затрещину. Ну не бывает же таких понимающих и покладистых мужиков! Или я просто раньше их не встречала?

– Извини.

– Всё хорошо, Сандра. Тебе не о чем волноваться. Просто... Понимаешь, я хочу, чтобы ты скорее прошла этот трудный этап. Насилие – это сложно, и я не могу представить, что ты чувствовала тогда. Никто не сможет. Но одно я знаю точно. Тебе нужно выбирать. И я хочу в этом помочь. Если ты не хочешь на выставку, давай сходим в другое место. Не такое людное. Что скажешь?

Я сдалась. Просто не нашла причины, чтобы отказать ему. И уже на следующий день оставила сына с Машей и пошла с Уилсоном на выставку. И пожалела, потому что в павильоне, где, казалось бы, собираются исключительно творческие люди, я чувствовала себя неуютно, не в своей тарелке. Хотя сама пыталась заниматься лепкой и вроде как даже получалось. Но то дома, в своей любимой крепости, за четырьмя глухими стенами. А тут... Тут были люди. Неважно кто. Просто люди. Этого, как оказалось, достаточно, чтобы я снова впала в панику.

Контрольным выстрелом стала красная глина, так некстати напомнившая мне кровь. И снова отчётливо увидела нож в своей руке, тот последний взгляд Басаева, когда он понял, что я его прирезала. Вспомнила Ваху, помогавшего нам с Машкой бежать. Его, наверное, за это убили уже... Ещё один человек на моей совести. И ещё неизвестно сколько. К примеру, охрана Басаева. Не спустил бы Шамаев-старший такое с рук никому. Да, они все были подонками. Но тем не менее, людьми.

– Ну что ты? Что произошло? – Марк поймал меня уже на улице, куда я вылетела пулей, едва не сбив с ног официанта с подносом.

– Я не... Не могу, – судорожно выдохнула, прижала ладонь к груди, где быстро и гулко колотилось сердце. – Не могу, Марк, прости, – покачала головой, закрывая глаза и пытаюсь сосредоточиться, как учили психологи.

– Прости, это я виноват, – вздохнул Уилсон и прижал меня к себе, даря иллюзию безопасности. – Здесь действительно многовато народу.

– Нет, ты не виноват, что твоя подруга истеричка психованная, – прошептала я ему в рубашку, душа слёзы, чтобы они не вырвались наружу. А Марк меня сильнее сжал, в макушку носом уткнулся.

– Не говори так. Ты не истеричка и не психопатка. Психопат тот, что сотворил с тобой такое. Ублюдок, – Уилсон ругался редко, не то воспитание. Но когда вспоминал о том, кто меня искалечил морально – обычно выходил из себя. Он не знал всей истории в подробностях. Как и не знал того, что я убийца.

А я вот знала. Ни на минуту не забывала. Особенно настойчиво меня терзали воспоминания ночью. И во сне, и наяву, когда уснуть не получалось.

– Прости, но я уже не смогу сегодня развлекаться. Вызови мне такси, пожалуйста, – подняла голову, заглянула в голубые глаза Марка. А он понимающе улыбнулся, коснулся губами моего лба.

– Я сам тебя отвезу. Хочу убедиться, что ты добралась домой в безопасности.

В этом весь Марк. Ненавязчиво заботливый, какой-то родной, что ли. Мы были знакомы всего ничего, но у меня иногда возникало ощущение, что знаем друг друга с детства. Жаль, что у меня не было такого мужчины раньше. Быть может, мы уже были бы женаты, и дети у нас были бы общие...

И каждый раз, когда я так думала, мне становилось нехорошо. Потому что всё, что я пережила тошно и жутко, да... Но, если бы всего этого не случилось, у меня не было бы Даньки. Моего маленького черноволосика с капризными, пухлыми губками и тёмным, не по возрасту проницательным взглядом.

Но тогда, вероятно, у меня были бы другие дети. И я бы любила их также.

И всё равно не то. Потому что Даня уже есть. И я есть у него. Мы не одни, но мы самые родные. Никто не будет любить нас больше, чем мы друг друга.

– К сыну хочу, – прошептала зачем-то уже в машине. Марк воспринял это по-своему и прибавил газу.

– Послушай, Сандра... – начал было он, привлекая моё внимание.

– Мм? – я смотрела на пробегающие мимо огни большого города и понемногу успокаивалась.

– Я хотел бы... – он выдохнул, будто не зная, как продолжить начатую фразу, а затем быстро проговорил: – Я хотел бы остаться сегодня у тебя. Это возможно?

Я прикусила щеку изнутри, прикрыла глаза. Знала, что он смотрит на меня в этот момент и ждёт ответа. И да, я могла бы отказать, и Марк понял бы. Он ни за что не стал бы настаивать или обижаться, давить на меня. Нет. А завтра он сделает вид, что всё нормально и ничего не случилось. И продолжит ждать, как и обещал.

Но мы оба этого хотим. Марк хочет меня. А я... Я хочу просто жить. Любить и быть любимой. А если не получится полюбить, то хотя бы напомнить себе, что я женщина. Молодая, красивая баба, у которой и отношений-то нормальных не было. Так, мушкетёрское.

А Марк не такой. Он красивый, он добрый. В нём нет звериных замашек, нет злобы. Он надёжный в конце концов!

– Я согласна, – выдохнула с улыбкой и повернулась к нему. – Оставайся сегодня у меня.

Глава 3

– Ты нервничаешь, – улыбается Марк, наблюдая за тем, как я пытаюсь отпить сок из бокала, но рука так дрожит, что слышно, как стекло ударяется о мои зубы.

– А ты? Ты не нервничаешь? – смотрю на него и понимаю, что, нет. Не нервничает. Он спокоен, как гребаный удав. Как обычно. Хвалёное американское самообладание, блин. А я вот трясусь, словно осиноый листочек, и места себе никак не найду. То и дело ёрзаю на диване, будто у меня в заднице с десяток иголок.

На самом деле мне страшно. Да, именно так. До дикости, до крика. Я знаю, что Марку можно доверять, он ни за что меня не обидит и не причинит боль, но... Но. Но я отвыкла доверять людям. Особенно мужчинам. Особенно красивым мужчинам. И я всё так же боюсь близости.

– Знаешь, нам не обязательно торопиться, Сандра. Мы можем подходить к этому маленькими шагами. Позволить друг другу привыкнуть – это лучшее решение, – отставив свой бокал с вином на столик, гладит мою скулу костяшками пальцев.

– Думаешь? – немного отпускает после его слов о том, что нам не обязательно заниматься сексом прямо сейчас.

– Сандра, – вздыхает Уилсон и притягивает меня к себе. – Неужели я похож на насильника, мм? Прошу тебя, не оскорбляй меня. Я не похож на твоего... На твоего бывшего.

– Прости, я знаю. Я не сравниваю тебя с ним. И он не бывший. То есть, он вообще никто. Они.

– Они? – Марк даже дёргается от неожиданности и, схватив меня за лицо обеими ладонями, заглядывает в глаза. – Они?!

– Да... Их было двое, – опускаю взгляд, чтобы не видеть в глазах Уилсона жалость. Это явно не то, что мне хотелось бы сейчас вызывать у него.

Наверное, правильнее было бы сказать, что их было трое. Причём третьей была моя сестра. Но это уже лишняя информация. Марк не поймёт меня. Не примет то, что я простила её и впустила в свою жизнь. Да я сама не была уверена, что смогу. Слишком всё запутанно, слишком...

– И что стало с этими уродами? Они же в тюрьме сейчас?

А вот и тот самый вопрос. Он должен был задать его рано или поздно.

– Нет. Они не сидят в тюрьме. Одного я убила. А где сейчас второй, отец Дэниэла – я не в курсе.

Тишина. Такая звенящая, страшная тишина. Я понимаю, что Марк сейчас может встать и уйти, и винить его будет сложно. Не каждый спокойно отреагирует на информацию, что девушка оказалась убийцей. И я даже готова к этому. Можно, конечно, было бы промолчать или не говорить правду. Но это как-то подло по отношению к нему. Марк хороший и не заслуживает такого.

Время идёт, но он не уходит. В глаза друг другу не смотрим, каждый занят собственными мыслями. Я снова возвращаюсь к тому, что случилось, казалось бы, давно, хотя по ощущениям будто вчера. О чём думает Уилсон сложно сказать. Наверное, принимает решение для себя. И это правильно.

– И ещё, – добавляю спустя время. – Я должна тебе сказать, что их семья очень влиятельная в России. Думаю, и за её пределами они тоже способны на многое. Я не знаю, ищут ли они меня или нет... Не знаю, найдут ли когда-нибудь... Но точно знаю, что они звери. И если однажды...

– Я не дам тебя в обиду, Сандра. Здесь, в США ты защищена от насилия. То, что было в прошлом – должно остаться там. А сейчас я хочу, чтобы ты знала, – он снова ловит моё лицо

в свои ладони, силой поворачивает к себе. – Ты сделала это, потому что была вынуждена. Я знаю тебя. Знаю, что тебя заставили это сделать. И не смей себя обвинять. Иди ко мне, – он усаживает меня к себе на колени и, покачивая, словно ребёнка, целует. Целует щеки, губы, виски, лоб. Но в этих поцелуях нет сексуального подтекста, и я очень благодарна за это Марку.

Так и засыпаем, обнявшись на диване, в одежде и обуви. А ночью я вскакиваю от крика Дани. Он голоден и требует грудь в своей манере – громко и агрессивно. Сегодня особенно отчаянно. Будто чувствует конкурента в доме.

Эта мысль вызывает улыбку, и я не сразу замечаю, что Марк тоже проснулся и теперь стоит в дверях детской, наблюдая за тем, как я кормлю сына.

– Прости, – смущается, когда я замечаю его. – Я думал, что-то случилось. Он очень кричал.

– Он всегда так кричит, когда хочет есть, – улыбаюсь.

– Ясно... Тогда я пойду, включу какой-нибудь фильм.

– Да, я скоро.

Данька, услышав мужской голос, беспокойно сучит ножками, больно прикусывает сосок.

– Ну-ну, тише, властный ты мой собственник, – целую его в макушку, на что сын довольно агукает и принимается за еду.

Глава 4

Утро застаёт нас на диване. Мы во вчерашней одежде, в объятиях друг друга, сонные и смешные. Ночью смотрели какой-то совершенно дурацкий фильм, а потом вырубались. Дверь в детскую открыта, но сын так орёт, что я бы услышала его, даже находясь в соседнем штате.

Пока я кормлю и купаю Даню, Марк готовит нам завтрак и кофе. И это так мило, что у меня невольно слёзы наворачиваются. Вот бывают же мужики, а. Нормальные, без закидонов, без бешенства. Мне даже не верится, что это происходит со мной. Что я, наконец, встретила хорошего парня. И не просто хорошего. Идеального!

– Спасибо, это очень вкусно. Ты же вроде юрист, а готовишь, как настоящий повар, – лести в моих словах нет. Марк, оказывается, из тех людей, которые даже яичницу с беконом могут приготовить так вкусно, что начинаешь подозревать их в колдовстве.

– То, что я юрист совершенно не мешает мне учиться готовке. Как знал, что пригодится, – улыбается своей ослепительной белозубой улыбкой, и мне в этот момент кажется, что я смогу его полюбить. Пусть не сейчас, немного позже... Но я смогу.

О вчерашнем разговоре Марк не заикается. Вообще делает вид, что ничего не произошло. И не задаёт никаких вопросов, даже отдалённо подводящих к теме моего прошлого. Я же со своей стороны очень ему за это благодарна. Мне так легче, проще выбросить из головы всё, что мешает начать жить.

После завтрака Марк спешит на работу, а я, упав на диван, раскидываю руки в стороны и улыбаюсь. Впервые за долгие месяцы улыбаюсь искренне и радостно. Мне хорошо, меня не мучает моя паранойя и не хочется сидеть дома, как обычно. Мне хочется выйти на улицу, подставить лицо солнечным лучам и просто посидеть в парке.

– Ну что, мистер Дэниэл? Пойдём гулять? – подхватываю сынишку, поднимаю вверх, чему он безумно радуется, широко ухмыляясь беззубыми, розовыми дёснами. – Ты мой сладкий! Мой красивый мальчик! – глаза Даньки загораются восторгом, словно маленький прохиндей понимает, что я говорю. А когда начинаю его одевать на улицу и вовсе заходится смехом.

Гуляем долго, пока у меня не устают ноги, а малыш не засыпает в слинге под мои неспешные шаги. В парке сажусь на зелёную травку и, достав из сумки сэндвич, принимаюсь за еду. Но кусок вдруг застревает в горле, потому что я очень явственно ощущаю на себе чей-то взгляд. Взгляд, владельца которого не вижу, но чувствую – это нехороший человек. Мурашки по коже, зудящие, неприятные. Меня всю передёргивает и чувство комфорта тут же угасает. Что-то не так...

Я оглядываюсь вокруг, но так и не нахожу того, кто бы смотрел на меня. Мимо прогуливается какая-то парочка, неподалёку сидит ещё одна мамочка с двумя детьми. Несколько рабочих убирают мусор. В общем-то, ничего подозрительного, но мне до слепой паники хочется вернуться домой и снова закрыться на пять замков.

Я понимаю, что это глупо, что нет смысла снова прятаться и скрываться. Да просто не от кого! Если бы отец Имрана хотел меня отыскать, уже давно бы это сделал. Но паранойя растёт внутри, поднимает свою безобразную голову и мне не остаётся ничего другого, кроме как вернуться домой. Что ж, я хотя бы попыталась. Возможно, мне когда-нибудь удастся задушить этот проклятый страх. Но, увы, не сегодня.

Дома уютно, хорошо, спокойно. В своих стенах мне даже самые страшные враги кажутся уже не такими ужасными. И даже если Басаев однажды выберется из ада и вернётся, чтобы удавить меня, я смогу постоять за себя. Мой дом – моя крепость. Что-то вроде того, да.

Так я себя успокаиваю. На деле же, до сих пор чувствую тот взгляд. Что это? Новый симптом моего тревожного расстройства? Или, и правда, там кто-то был. Кто-то смотрел на меня, а может следил?

– Нет. Ничего нет. Всё хорошо. Меня никто не найдёт. Я надёжно спряталась, у меня другое имя, даже причёска, – невесело усмехаюсь, разглядывая себя в зеркало. – Меня никто не найдёт и не узнает.

Проходит несколько дней прежде, чем я снова выбираюсь из дома. И то, выйти одной мне не хватило смелости. Машка забрала у меня сына и потащила нас на улицу. Без разговоров и полностью игнорируя мои возражения.

– Если я тебя не вытащу, так и будешь киснуть там, – озвучивает очевидное. – И племянника моего в неврастеника превратишь.

Тут я с ней согласна. Данька не виноват, что мамаша у него шуганная на всю голову. Ему детство нормальное нужно. Что же я буду делать, когда придётся его в школу отдавать? Хотя, если честно, до того времени мне хотелось бы победить свои страхи.

– Спасибо, – без особого энтузиазма благодарю сестру. Хоть и понимаю, что она поступает правильно, а всё же...

Резко оборачиваюсь назад, потому что именно сейчас, в этот же момент я снова чувствую тот взгляд. Нет, ну это бред какой-то. Может я вообще двинулась по фазе? С ума сошла? Сзади, как и ожидалось, никого нет. Проезжает несколько машин, на встречу бегут задорно хохочущие подростки. Никого, кто бы мог ТАК смотреть.

– Что это с тобой? – Машка напрягается, улавливая мою реакцию. Знать бы ещё, на кого у меня такая реакция.

– Да нет... Ничего, – отвечаю рассеянно.

– Нет, мать, так не пойдёт, – качает головой Машка. – Ты же так скоро тронешься своей квартире. Посмотри на себя, ты так не дёргалась даже когда мы бежали из России. Ты с психологом занимаешься?

– Да всё нормально, Маш, – отвечаю чуть громче, на что тут же реагирует сын. Поворачивает ко мне головку и пристально заглядывает в лицо. Он тоже это чувствует? – Правда, всё хорошо. Мне уже намного легче, – добавляю спокойнее, чтобы не пугать Даню. – Кстати, Марк вчера остался у меня. На ночь, – пудрю мозги сестре, чтобы она не продолжала углубляться в тему моей паранойи. Я и так в курсе, что ненормальная.

– Да ладно? – Машка останавливается посреди тротуара, округлив глаза в неверии. – Ты серьёзно? Было что?

– Так, я не собираюсь обсуждать с тобой свою личную жизнь. Просто сказала, чтобы ты понимала, что со мной всё в порядке, – отмахиваюсь, на губах появляется улыбка, а страх я усилием воли засовываю поглубже.

– Так было что, нет? – нагло врывается в личное пространство Машка, прикусывая в нетерпении губу. Знаю, что она переживает за меня.

– Нет. Пока не было. Но мы к этому идём. Со временем...

– Ну ясно, – вздыхает сестра. – Нет, я, конечно, тоже долго лечилась после Булата. Имею в виду, психическое здоровье. Мне тогда казалось, что я никогда не стану нормальной, – прижимает к себе Даньку, а в глазах боль появляется. Такая знакомая... – Но это только кажется, Злат. Всё пройдёт и это тоже. Ты дай себе шанс, слышишь?

– Сандра, – поправляю её. – Я Сандра, а ты Мэриэн. А он, – киваю на сына. – Дэниэл. Запомни уже наши имена и не ори на всю улицу, что я преступница, убившая человека и скрывающаяся под другой личиной. Нам это на пользу не пойдёт, если что.

– Если что, Сандра? – вздыхает Машка и, не дождавшись моего ответа, качает головой. – Ты всё ещё ждёшь, что по наши души кто-то придёт?

– А ты нет? Забыла уже, кого я прирезала? – не сдержавшись, перехожу на русский и опять на английский. – Давай просто будем соблюдать правила.

– Ладно, я тебя услышала, – сдаётся Машка и вдруг заворачивает в кофейню. – Пойдём посидим? Кофе так с пирожным захотелось. У окна присядем?

Со вздохом следую за ней, хотя про себя отмечаю, что здесь мне будет намного легче отследить тот взгляд. Если, конечно, это не мой глюк.

Делаем заказ, Маша играет с разгулявшимся Даней, а я незаметно осматриваю всех, кто входит в кофейню. И вдруг, словно гром посреди ясного, солнечного дня, в дверь проходит он. Не проходит, нет. Врывается, как ураган. Высокий, широкоплечий, в абсолютно белом, едва ли не вызывающим слепоту костюме. Смуглый, темноволосый, но что-то в этом идеальном образе не так... Ах да, он хромает. И на виске шрам рваный, некрасивый. А в остальном... В остальном привлекательный мужик. На латиноса чем-то смахивает. Может он и есть.

За ним следует целая стая охраны. В чёрных, наглухо застёгнутых костюмах, обтягивающих горы мускулов. И мужик этот, их главный, проходя мимо нас, взгляд на меня бросает. Мурашки... И страх в глотке застрял огромным комом. И жутко писать захотелось... Да уж. Вот и не верь после такого предчувствиям.

Время будто замедляется. Слово патока тянется. И мужчина, проходя мимо, успевает осмотреть меня оценивающим взглядом.

Опасный! Страшно красивый, но жутко пугающий! Я уже видела такой взгляд. Взгляд хищника, жестокого самца. Взгляд чудовища, которое в один момент решает сломать тебя и превращает своё обещание в реальность. В страшную, жуткую реальность.

Он проходит к соседнему столику, швыряет на него лэптоп и небрежно садится на стул. Щёлкает пальцами, привлекая внимание официантки.

– Двойную порцию эспresso! И побыстрее! – голос у него очень хриплый. Слово он простужен. Жёсткий, отрывистый. Открывает лэптоп, пока его охранники устраиваются за другим столом, а посетители кофейни взирают на него, как на сошедшего с Олимпа Тора. Мужчины растерянно, кто-то с завистью. А женщины едва тёплой массой не стекают по диванчикам на пол. И я их понимаю. Понимаю, но осуждаю. Потому что они не знают, на что такие мужчины способны.

– Ничего себе, экземплярчик, – произносит негромко Машка и я резко поворачиваюсь к ней.

– Маш, давай уйдём, – прошу её тихо, на что сестра недовольно поджимает губы.

– Что, Имрана тебе напомнил? Или Булата? Уймись, Зла... Сандра, – поправляется с усмешкой. – Ты ещё много всяких разных людей встретишь. Что ж теперь, от всех бежать? Сейчас кофе попьём и неспеша пойдём, ладно? Вот и Дэни уснул. Давай посидим пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.